

система отношений между всеми акторами. Одной из ее специфических черт является достаточно демократичная возможность доступа к глобальным процессам и сетям [2]. Логично описывать фундаментальное явление глобализации, используя критерии доступа и доступности межкультурного диалога [3]. Но в этой области скрыты две самые слабые стороны глобализации. Глобализация нивелирует целый ряд специфических отличий и разрушает границы, обеспечивая по существу всеобщую доступность. В этой связи необходимо установить всемирно-исторический баланс глобализации с национальными интересами.

### **Литература**

1. Глухова, О.Ю. Диалог культур «Запад – Восток» проблема метакультурной идентичности / О.Ю. Глухова // Вопросы социальной теории – 2019 – Т.11 – С.41-56.

2. Морохоева, З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализации. Перспектива Евро – Азии / З. Морохоева. – К., 2013.

3. Лойко, А.И. Философия межкультурных отношений: Беларусь в диалоге цивилизаций / А.И. Лойко, В.А. Семенюк, Л.Е. Лойко, В. Юйхун. – Минск, 2012.

### ***Казак А.***

#### **Технологические волны**

***Научный руководитель Лойко А.И.***

А. Тоффлер хочет подчеркнуть, что возникновение новой цивилизации – это не единовременное событие, а продолжительный процесс зарождения, экспансии и угасания. Причём несколько цивилизационных волн действуют в мире одновременно, но с разной силой и в разных направлениях.

Эти волны иногда называют технологическими потому, что в основе каждой из цивилизаций лежат свои особые технологии производства. У каждой цивилизации есть свой основной ресурс, который во многом определяет её характер.

Но А. Тоффлер в книге “Третья волна” особо отмечает, что цивилизация – это не только технологии или экономика. Это ком-

плекс взаимосвязанных технологических, экономических, организационных, социальных и политических принципов и институтов, которые соединяются между собой в единый, точно пригнанный механизм (так выражается человек второй волны) или образуют единую экосистему (сказал бы человек третьей волны).

Каждой цивилизации присуще свое особое мировоззрение, своя мораль, свой уклад жизни. Причём мировоззрение, принципы и институты новой волны не вырастают эволюционно из тех же элементов более ранней волны, а формируются на основе своего уникального генома новой цивилизации. Поэтому коллизии волн носят не эволюционный, а революционный характер, а приход новой волны сопряжён с войнами, революциями и другими потрясениями. И надо всем этим бушующим морем самых неожиданных столкновений формируется главный конфликт современности – между наступающей третьей и откатывающейся второй волной. Когда мир сотрясается под напором сразу двух волн, ни одна из которых не является доминирующей, видение будущего ускользает, становится фрагментарным. К противоборствам и конфликтам сторонников и противников каждой из волн добавляются внутренние конфликты каждой из них.

Понимание природы этих конфликтов, утверждает А. Тоффлер, даёт нам возможность не только увидеть альтернативы будущего и определить, за что на самом деле выступают многочисленные политические и общественные силы, но и найти собственную роль в этом процессе, какой бы ничтожной ни казалась одна личность на фоне таких тектонических сдвигов.

Книга А.Тоффлера «Третья волна» помогает научиться отличать силы и процессы уходящей второй волны от проявлений нарастающей третьей волны. В своей книге А. Тоффлер выделяет три волны цивилизации: сельскохозяйственную, индустриальную и третью, которую он иногда называет ещё информационной.

Первая волна начала свое движение примерно 10 тысяч лет назад, когда собиратели и охотники научились возделывать землю и перешли от кочевого образа жизни к оседлому. Сегодня эта волна практически исчерпала свою силу, медленно, но неотвратимо обходя весь мир. Только горстка первобытных племён осталась на стадии охоты и собирательства. Главным ресурсом первой волны была

земля, а большая часть её продукта потреблялась теми, кто его непосредственно производил. Время в цивилизации первой волны ходило по кругу, повторяя циклы сельскохозяйственного производства. Первая волна стала терять силу в промежутке между 1650–1750 годами, когда появился гребень второй волны, создавшей индустриальное общество, которое, в свою очередь, завоевало мир.

С 1950-х годов вторая волна после 200 лет экспансии тоже пошла на спад в промышленно развитых странах. А. Тоффлер берёт за «точку перегиба» пятидесятые годы XX века потому, что именно тогда в США численность работников умственного труда и сферы услуг впервые превысила численность промышленных рабочих. Примерно тогда же в странах индустриального мира начала свой разбег третья волна. И по мере того, как она набирает силу, сталкиваясь со второй волной, устаревшие принципы и институты второй волны начинают трещать по швам под её напором.

Систематический анализ может ответить на многие вопросы, но, в конце концов, нам придётся разобраться в парадоксах и противоречиях, которые ему не подвластны. Предвидение, воображение и смелый (хотя и предварительный) синтез поможет нам в этом деле. В доиндустриальную эпоху человек получал образы по очень узкому каналу, в основном от близких людей. Через личное общение, которому свойственен спокойный ритм, многочисленные паузы и повторения. С наступлением второй волны количество каналов, из которых индивидуум получал представление об окружающем мире, увеличилось. К личному общению добавились газеты, журналы, радио и телевидение. По этим каналам (в основном в унисон) вещали церковь, правительство, семья и школа. СМИ стали не только мощным усилителем трансляции этого контента, но и производителем своего собственного, – встроенного, тем не менее, в общий хор. СМИ заняли ключевое место в стандартизации поведения, необходимой для индустриального производства. Формируемые индустриальными СМИ образы были более податливыми к изменению, чем образы доиндустриальной эпохи. Но третья волна привела к многократному ускорению обновления библиотеки образов в нашем сознании. Это означает, что сами образы становятся все более короткоживущими. Но третья волна не только кардинально

ускорила оборачиваемость образов, она затронула и более глубинную структуру информации.

Демассификация средств информации стала естественным следствием удешевления себестоимости создания информационных носителей. Во времена написания книги (1980 г.) многократное удешевление печатного процесса мелких тиражей привело к тому, что каждый клуб по интересам, каждая конфессия, каждое сообщество и каждый муниципалитет смогли позволить себе издавать собственную газету или журнал. В 1977 году впервые в истории телевидения в США аудитория телезрителей сократилась. Спутниковое и кабельное телевидение, видеокассеты, видео на заказ нарежали аудиторию телеканалов на узкие сегменты. Господство телеканалов в навязывании всем, что и когда смотреть, навсегда осталось в прошлом.

Третья волна принесла с собой новую инфосферу. Наступила эра демассифицированных средств информации, которая окажет глубокое воздействие на то, как формируется наше представление об окружающем мире. Третья волна не является ни утопией, ни антиутопией. Она предлагает позитивную и революционную альтернативу будущего, которая, тем не менее, лежит в пределах реалистично достижимого. Это и есть праптопия. Почему это происходит? На этот вопрос нет ответа. Тысячи разных взаимосвязанных потоков просто начали течь. Мы видим их взаимосвязи и грандиозные петли обратной связи, которые усиливают их бег. Но одной единственной причины, одной единственной переменной, которая дала старт этому процессу, просто не существует.

Две тенденции: диверсификация общества и ускорение исторического процесса – оказывают мощнейшее давление на людей и на институты, привыкшие иметь дело с невысоким уровнем разнообразия и медленным ходом перемен. Это столкновение порождает шок будущего. Единственный способ преодолеть его — это научиться действовать в новых условиях. Для этого и людям, и институтам предстоит изменить себя.

Некоторым поколениям выпала роль хранителей цивилизации. Участь других – строить цивилизацию. Наш удел – созидать. И начинать строительство новой политической системы надо прямо сейчас, пока дезинтеграция старой системы не выпустила на улицы

силы тирании, сделав неизбежным насильственный путь к победе демократии XXI века.

***Лойко А.И., Мушинский Н.И.***  
**Философия Шри-Ланки**

Южнее полуострова Индостан расположен остров Цейлон, на территории которого расположено государство под названием «Шри-Ланка». Философская культура Шри-Ланки формировалась фактором соседства с Индией, а также статусом британской колонии. Философия Древней Индии приняла завершённый вид к середине I тыс. до н.э., хотя начала развиваться задолго до этого [1]. По отношению к ведическому канону её школы и направления подразделяются на ортодоксальные (традиционные) и неортодоксальные. Собирательное название «Веды» (дословно переводится «Знания») исторически закрепилось за четырьмя сборниками древних текстов (так называемые самхиты: Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Атхарваведа). Они включают в себя гимны, посвящённые политеистическим божествам индуистского пантеона, олицетворяющим силы природы и общественные отношения; торжественные песнопения; молитвы при жертвоприношениях; магические заклинания. К ним примыкают более поздние комментарии (Брахманы, Араньяки, Упанишады), а также эпические поэмы «Рамаяна» и «Махабхарата», в мифологизированной форме рассказывающие о подвигах древних героев, представителей воинского сословия, возникшего при переходе общества к земледелию. Одна из частей эпоса Махабхараты, так называемая «Бхагавадгита» (либо просто – Гита), обладает особенно глубоким этико-философским содержанием. Ортодоксальные системы морали, опирающиеся на древние социокультурные традиции, выраженные в текстах ведического канона, носят общее название этики брахманизма. К неортодоксальным течениям относятся буддизм, джайнизм, локаята-чарвака.

Брахманизм как нравственно-этическая концепция отражает расслоение раннего земледельческого общества на четыре основных варны (касты) – сословия, социальные группы. В рамках кастовой системы каждая часть населения призвана выполнять полезные